

Школьница

Она рисовала в тетрадках забавные рожицы.
Уроки прошаркали мимо, как в парке старик.
Ей косы мешали, и как-то схватилась за ножницы,
Отрезала напрочь и месяц носила парик.

Она никогда не пыталась использовать ластики:
Писала всё начисто, словно творила судьбу –
Старушки на лавочке, мама, сестра, одноклассники,
Собаки, медведи. И лошади – целый табун.

Она, как никто, симпатично умела быть выскочкой.
Ведь, если ты лучше, об этом молчать ни к чему.
А мне б только хвостик – чтоб точно такой, только с кисточкой,
И острые ушки, и локонов светлый хомут.

А мне б только шанс непослушно скакать в палисаднике
С пушистым волчонком и умницей рыжей лисой.
И ждать, что она мне напишет сестрёнку и братика,
Как только закончится в школе её выпускной.

Сказки

В добрых сказках взрослеют от боя часов златовласки,
И кому-то приходится впору их снятые маски.
К ним на танцы приходят ребята из верхнего мира,
Впрочем, зная, что им не вернуться обратно без мыла –
И не надо. Что, может быть, надо бескрылым, двуногим
От забывшего их поимённо брезгливого бога?
И чего не хватает в запавшей им за душу яме,
Если завтра они неизменно проснутся с рогами.
Поменявшись местами с другими, другие не лучше –
Тоже воду мутят в каждой встречной реке или луже,
Норовят сочинить себе бурю в гранёном стакане,
Высекая из камня, зажечь себе вечное пламя.
Не умея согреть от него задубевшие руки,
Подбирают в строительном мусоре сны и окурки.
А во снах полевые цветы и тропа к горизонту,
Их нельзя взять в охапку, но можно сыграть как по нотам,
Написать на холсте, на простынке, на синей косынке,
И оставить на память Наташке, Полинке, Маринке...

Тринадцать

То ли Аннушкой масло разлито,
То ли Люция свет пролила.
Как трамваи, стучали копыта
То ли лошади, то ли козла –

Безотчётно тревожно и жутко.
Старый год под колёса упал,
Будто кончилась пошлая шутка,

И пора собираться на бал!

Затанцуешься с хрупкой Наташей
До зари – не заметишь конца.
Платье куплено на распродаже,
Ловко слеплена форма лица,

Безнадёжно растеряны туфли
По порогам богатых домов.
Говорит про восточную кухню,
Про узбекские вина и плов,

Что надеется выйти за принца,
В старом замке томится порой –
Ты не сразу узнаешь сестрицу,
Увлечённый невинной игрой.

Так наступит без предупрежденья
Твой тринадцатый месяц в году,
Без пяти минут третье рожденье
В мир, где, может быть, любят и ждут.

А пока с головой Берлиоза,
Да к тому же с чужого плеча,
Трудно думать, как выразить прозой
То, о чём подобает молчать.

Пластилин

за окном слишком серый пейзаж и усилился холод,
а дожди не умеют поить увядающих трав.
я возьму пластилин и построю игрушечный город,
населю и сваяю для каждого внешность и нрав.

там кисейная барышня с парубком у самовара,
оттопырив мизинец, пытается выпить свой чай.
у ребят под забором такая затеялась свара,
что воробышки, глядя на них, удивлённо кричат.

вот бабуля в платочке в горошек, как божья коровка,
и дедуля с костыликом, сед, словно лунь, и усат.
налеплю и девчонок поярче, прилажу обновку,
и родителей сделаю, чтобы мальчишек разнять.

ты войдёшь, как герой, объяснишь мне, что бился за Ленку.
покосившись украдкой на только что слеplенных мам,
я достану из шкафа бинты, замотаю коленку.
всё придумано мной, но откуда тогда этот шрам?